

A atmospheric photograph of a city street on a rainy, foggy day. The scene is dimly lit by warm streetlights that reflect on the wet pavement. In the background, the silhouettes of historic buildings with domes and spires are visible through the thick mist. A few figures are seen walking in the distance, one holding an umbrella. The overall mood is mysterious and melancholic.

Елена К. Мягкий город

18+

Елена К.

Мягкий город

«Автор»

2026

К. Е.

Мягкий город / Е. К. — «Автор», 2026

Артём нашёл старый стяг в заброшенном доме — и не знал, что этим открыл канал, который начал тянуть из него и из всего города. Зинаида Павловна, хранительница старых знаний, пытается помочь закрыть канал, но за ней — тень Фёдора, человека, которого стяг высушил живьём. А по ту сторону канала ждёт Лилит — первая тяга, голод без формы, богиня, которая не забирает, а предлагает. Артёму предстоит узнать цену имени, которое нельзя произносить, и цену узла, который нельзя развязать. Но Лилит — только начало. Когда нити рвутся, в трещины между мирами приходят другие: Морана — богиня холода, замораживающая раны, которые не заживают; безликие гости из белой пустоты; кровавые узлы убийцы Данилы, прядущего стяг из человеческих нитей; орды анчуток, заполняющих пустоту; Шептунья, делающая мир мягким, как глина. И за всем этим — Нечисть, у которой нет имени. Артём, Кира и Зинаида Павловна держат — словами, узлами, солью и памятью. Но можно ли удержать форму в мире, который решил стать мягким?

© К. Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Крадник и стяг	6
Глава 2 . Природа крадника и стяга	8
Глава 3. Цена канала	10
Глава 5. Имя, которое нельзя произносить	14
Глава 6. Первая ночь	16
Глава 7. Гниль	19
Глава 8. Соль	20
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мягкий город

Глава

Глава 1. Крадник и стяг

Город был серым не только от дождя. Он был серым от усталости: старые пятиэтажки смотрели на мир тусклыми окнами, будто забыли, что когда-то их красили в жизнерадостные цвета. Артём шёл по двору, где асфальт давно сдался под напором корней, и думал о том, как бы поскорее закрыть эту сделку. Дом 12 по улице Лесной — последний в списке. Если сегодня подпишут, можно выдохнуть.

Ключ щёлкнул как-то слишком громко. Дверь скрипнула, и запах ударил в нос раньше, чем Артём успел шагнуть внутрь: пыль, старая древесина, чуть-чуть плесени и что-то ещё, горькое, будто кто-то жёг сухие травы.

Он включил фонарик. В комнате было пусто, но не по-хорошему пусто, а так, будто вещи ушли, а тревога осталась. На полу у плинтуса что-то блеснуло. Артём наклонился. Это была медная пуговица, но не простая — на ней был выбит странный узор: пересекающиеся линии, похожие на руны, но не совсем. Он машинально сунул её в карман.

Потом взгляд зацепился за угол под шкафом. Там лежал свёрток — тряпичный, туго перетянутый бечёвкой. Артём потянул. Ткань была грубой, выцветшей, местами протёртой до ниток. Развязав узел, он развернул лоскут. Это был стяг — не флаг, а именно стяг: кусок ткани с вышитыми символами, будто кто-то пытался удержать на нём силу. По краю шла строчка, сделанная толстыми нитками, и местами нить была чёрной, будто её окунали в сажу.

Артём замер. Ему вдруг показалось, что воздух в комнате стал плотнее, как перед грозой. Он хотел бросить ткань обратно, но пальцы не слушались. Вместо этого он аккуратно сложил стяг и убрал во внутренний карман куртки.

На выходе из комнаты он споткнулся о половицу, которая чуть приподнялась. Под ней что-то лежало. Артём поддел доску ножом, который всегда носил с собой. Там был маленький мешочек из мешковины, перевязанный красной нитью. Внутри — горсть мелких предметов: ржавая скрепка, обгорелая спичка, кусочек фольги, свёрнутый в шарик, и прядь волос, туго скрученная.

Это был крадник. Артём не знал, что это, но понял сразу: эта штука должна была лежать не здесь. Она должна была быть спрятана так, чтобы никто не нашёл.

Он вышел на улицу, и дождь тут же ударил по лицу, смывая ощущение чужого дома. Но чувство, что он только что взял с собой что-то опасное, не смывалось.

«Ладно, — подумал Артём, — покажу кому-нибудь. Пусть разбираются».

Но он не сказал никому. Ни в тот день, ни на следующий. Потому что уже на следующее утро понял: что-то начало уходить.

Утро началось как обычно, но пошло не так. Кофе был горьким, хотя Артём заварил его как всегда. Телефон показывал, что батарея на 80%, хотя он заряжал его всю ночь. А на столе не хватало ручки — той самой, с которой он подписывал договоры.

К полудню стало ясно: это не случайности. Утекало не что-то одно, а понемногу всего. Деньги со счёта списались за подписку, о которой Артём не помнил. Клиент, который вчера почти согласился, сегодня написал: «Извините, мы передумали». Даже настроение утекало: к трём часам дня он сидел в кафе, смотрел на остывший суп и не мог вспомнить, зачем вообще сюда пришёл.

В кармане лежал стяг. Артём достал его, развернул. Ткань казалась тяжелее, чем должна была. Символы на ней будто шевелились, если смотреть краем глаза. Он снова свернул лоскут, но теперь уже не так аккуратно.

— Ты это трогал? — голос прозвучал над ухом, и Артём чуть не выронил стяг.

Перед ним стояла женщина лет шестидесяти, в тёплом пальто и с сумкой, набитой до отказа. Её взгляд был таким, будто она видела не только стяг, но и всё, что с ним связано.

— Что? — Артём спрятал ткань обратно. — То, что ты взял. Из дома на Лесной. Я знаю, что там было. И знаю, что ты вынес.

— Откуда? — Артём попытался звучать спокойно, но голос дрогнул.

— Потому что я там убирала. И видела, как это прятали. Не для того, чтобы кто-то нашёл. Женщина села напротив, не спрашивая разрешения.

— Это стяг. Он не просто так сделан. Его задача — стягивать. Силу, удачу, время — что угодно. А крадник рядом с ним — чтобы направлять. Ты взял оба. Теперь это работает на тебя. Или против тебя. Зависит от того, знаешь ли ты правила.

Артём хотел сказать, что не верит в эту ерунду, но слова застряли в горле. Потому что в этот момент он вдруг понял: ручка, деньги, клиент — это не совпадения. Это плата.

— И что теперь? — спросил он, стараясь не смотреть на женщину.

— Теперь ты либо вернёшь, либо разберёшься. Но просто выбросить не получится. Оно уже прицепилось.

Она встала, достала из сумки потрёпанную тетрадь и положила перед Артёмом.

— Здесь записи. Про дом, про тех, кто жил. И про то, как это останавливали. Читай. А я приду завтра. И не держи стяг рядом с собой ночью. Он питается тем, что тебе дорого.

И ушла, оставив Артёма одного с тетрадью и чувством, что мир стал тоньше, чем ему казалось.

Глава 2 . Природа крадника и стяга

Дождь не прекращался вторые сутки. Он не шумел, а шептал — монотонно, настойчиво, будто пытался что-то напомнить Артёму, пока тот сидел в своей квартире, сжимая в пальцах потрёпанную тетрадь. На обложке не было названия — только выцветшие пятна, похожие на капли воска.

Он открыл тетрадь на случайной странице. Почерк был мелким, почти бисерным, местами расплывшимся от влаги. Артём читал и чувствовал, как по спине ползёт холодок, не от сквозняка, а от самих слов.

«Стяг — это якорь. Он не создаёт силу, он её удерживает. Как парус ловит ветер, так стяг ловит то, что течёт мимо: удачу, здоровье, время. Но если ткань старая, а узлы затянуты криво, стяг начинает тянуть не снаружи, а изнутри — из того, кто его держит. Он стягивает самое ценное, потому что ему всё равно, откуда брать. Ему нужна тяжесть, чтобы стоять».

Артём провёл пальцем по краю страницы. Бумага была шершавой, будто её долго держали в руках, и пахла чем-то травяным — полынью и старым дымом.

Дальше шли записи о краднике.

«Крадник — это мост. Он строится не из досок, а из потерь. В него кладут то, что уже сломано: ржавое, обгоревшее, потерянное. Это приманка для чужой беды. Крадник не крадёт сам — он открывает дыру, через которую уходит то, что плохо держится. И если рядом есть стяг, дыра не затягивается. Стяг держит её открытой, чтобы крадник мог тянуть и тянуть».

Артём вспомнил мешочек: скрепка, спичка, фольга, прядь волос. Всё сломанное, всё бывшее в употреблении. И вдруг понял, почему ему так неуютно: он не просто нашёл эти вещи — он их активировал. Своим прикосновением, своим решением забрать.

В дверь постучали. Не громко, но настойчиво — три удара, пауза, ещё два.

— Я же говорила, не держи это при себе, — женщина из кафе стояла на пороге, в том же пальто, только теперь с капюшоном, с которого стекала вода. — Ты думаешь, это просто тряпка и мешочек? Это механизм. И ты его запустил.

Она вошла, не дожидаясь приглашения, и сразу направилась к окну. Закрывает форточку, хотя Артём её не открывал. Потом достала из сумки кусок тёмной ткани и накрыла им стол.

— Сядь, — сказала она, не повышая голоса. — И расскажи, что чувствуешь.

Артём хотел отмахнуться, сказать, что ничего не чувствует, но слова застряли. Вместо этого он выговорил то, что давило:

— Всё как будто... утекает. Не по-крупному, а по мелочам. Деньги, настроение, даже мысли. Будто кто-то потихоньку выкручивает громкость.

Женщина кивнула, будто ждала именно этих слов.

— Это и есть работа связки. Крадник открывает канал, стяг его держит. И пока ты держишь стяг при себе, канал работает на тебя. Ты — точка выхода. То, что утекает у других, должно было бы приходить к тебе, но ты не знаешь правил, и вместо притока получаешь утечку. Стяг тянет из тебя, потому что ты ближе всего.

— А если выбросить? — спросил Артём.

— Не поможет. Крадник уже зацепился. Он как крючок: если дернуть резко, порвётся не леска, а рыба. Нужно снимать аккуратно, по узлу.

Она достала из кармана маленький нож с костяной ручкой и положила его на ткань.

— Сначала — объяснение. Потом — действие. Без понимания ты только хуже сделаешь.

И она начала рассказывать. Не как в учебнике, а как в старой сказке, где каждое слово имеет вес.

О том, что стяг — это всегда про намерение. Кто-то делал его, чтобы удержать удачу, кто-то — чтобы привязать к себе чужую силу. Узлы на краях — это печати, они не дают силе уйти. Вышивка — не украшение, а формула: линии, которые направляют поток.

А крадник — про жертву. В него всегда кладут что-то своё, чтобы открыть дорогу чужому. Прядь волос — это привязка. Скрепка — зацепка за быт. Обгорелая спичка — след огня, который должен был всё очистить, но не очистил.

— Тот, кто это делал, хотел взять чужое, — говорила женщина, глядя Артёму прямо в глаза. — Но не смог удержать. Стяг ослаб, крадник начал тянуть из него самого. И тогда он спрятал всё это в доме, надеясь, что чужое место поглотит чужую беду. А ты пришёл и забрал.

Артём сжал кулаки. Пальцы дрожали.

— Зачем? — прошептал он. — Зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты уже не можешь просто забыть. Ты в этом. И если не разберёшься, стяг допьёт тебя до дна. У него нет совести. Он просто тянет, пока есть что тянуть.

Она взяла тетрадь и быстро пролистала страницы.

— Здесь есть способ. Не простой, но рабочий. Нужно разорвать связь, снять печать, закрыть канал. Но для этого тебе придётся кое-что отдать. Не вещь — часть себя. То, что ты ценишь. Иначе стяг не поверит, что ты серьёзно.

Артём посмотрел на неё, потом на нож, потом на свёрнутый стяг, который лежал на полке, завернутый в газету. Ему вдруг стало холодно, хотя в комнате было тепло.

— Что именно? — спросил он.

— То, без чего ты не сможешь быть прежним, — ответила она. — Это и есть цена.

Глава 3. Цена канала

Ночь пришла тихо, будто кралась, чтобы не спугнуть то, что уже шевелилось в квартире. Артём не спал. Он сидел на кухне, перед ним лежали тетрадь, нож и раскрытый стяг. Ткань теперь казалась не просто старой — она была как кожа, покрытая шрамами. Символы на ней будто потемнели, а края слегка заворачивались, как будто ткань хотела свернуться сама в себя.

Женщина ушла, оставив ему инструкцию — не подробную, а намёками, как в загадке: «Найди то, что тебе дороже всего, но не то, что ты боишься потерять. То, без чего ты перестанешь быть собой».

Артём перебирал варианты, и каждый казался неправильным. Деньги? Нет. Квартира? Тоже нет. Даже мысль о машине не вызывала той самой внутренней дрожи.

Потом он понял.

Это была папка на компьютере — не файлы, а проект, над которым он работал два года. Не ради денег, а ради того, чтобы доказать себе, что он может. Проект, который он никому не показывал, потому что боялся, что его высмеют.

«Это не вещь, — подумал Артём. — Но это часть меня».

Он достал телефон и открыл заметки. Там были наброски, идеи, черновики — всё, что он копил. И вдруг ему стало физически больно от одной мысли: стереть.

Но стяг лежал на столе, и Артём чувствовал, как он тянет — не рукой, не взглядом, а где-то внутри, как тягучая пустота, которая становится всё больше.

Он встал, подошёл к окну. За стеклом город казался чужим, будто его подменили, пока он спал. Дождь закончился, но воздух был тяжёлым, словно пропитанным чужой усталостью.

Телефон завибрировал. Сообщение от клиента: «Мы всё-таки решили пойти с другим подрядчиком. Прости».

Артём стиснул зубы. Это было уже не совпадение. Это был сигнал: канал работал, и он тянул из него самое важное.

Он вернулся к столу, взял нож. Лезвие тускло блеснуло.

— Ладно, — прошептал он. — Если тебе нужно что-то, чтобы поверить, я дам. Но только чтобы это закончилось.

Он провёл лезвием по краю стяга. Ткань не поддавалась сразу — будто сопротивлялась. Но потом раздался тихий треск, и один из узлов ослаб.

В ту же секунду в комнате стало тише. Не просто тише — будто звук ушёл вглубь, как вода в трещину.

Артём разрезал ещё один узел. И тут он почувствовал это — не боль, а пустоту, которая заполняла место того, что он решил отдать. Проект. Мысль о нём стала тусклой, как старая фотография.

Третий узел он не стал резать. Вместо этого он взял прядь волос из крадника и положил её на ткань. Потом накрыл всё газетой и завязал в узел — не крепкий, а временный, как обещание: «Я вернусь к этому, когда буду готов».

Когда он закончил, стяг перестал тянуть. Пустота осталась, но она больше не росла. Она была как шрам — неприятный, но заживающий.

На столе лежала тетрадь. Артём открыл её на последней странице. Там было написано:

«Канал закрыт. Цена уплачена. Но помни: то, что однажды открылось, может открыться снова. Держи узлы развязанными, пока не поймёшь, как их завязывать правильно».

Артём закрыл тетрадь. В комнате было тихо. Город за окном всё ещё казался чужим, но теперь Артём знал: он может сделать его своим снова.

Только сначала нужно разобраться, кто оставил этот стяг и крадник. И почему именно в том доме.

Глава 4. Запах тления

Квартира пахла сыростью, хотя дождя не было уже трое суток. Артём проснулся от этого запаха — он был не снаружи, а будто шёл изнутри стен, из стыков, из-под плинтусов. Он встал, прошёл на кухню, и пол под ногой скрипнул так, будто прогнулся.

На столе всё ещё лежала газета, в которую он замотал стяг и крадник. Но теперь узел был развязан. Не им. Петли лежали свободно, как будто кто-то аккуратно их распустил, пока Артём спал.

Он замер, глядя на ткань. Стяг лежал поверх, и символы на нём казались темнее, будто впитали ночную темноту. Пряди волос из крадника не было.

— Её кто-то забрал, — прошептал он, хотя в комнате никого не было. — Кто-то был здесь.

Телефон мигнул уведомлением. Сообщение от женщины из кафе: *«Не трогай узлы. Если канал снова откроется, он потянет сильнее. Я иду к тебе. Не открывай никому дверь»*.

Но он уже открыл. Дверь в коридор была чуть приоткрыта — Артём точно помнил, что закрывал её на защёлку.

Он вышел в подъезд. Лампочка над лестницей моргала, выбрасывая короткие вспышки света, и в этих вспышках тени казались слишком плотными, будто не просто отсутствие света, а что-то живое. На полу у лифта лежал маленький предмет — обгоревшая спичка, точно такая же, как та, что была в краднике.

Артём поднял её. Пальцы сразу похолодели, будто металл, хотя спичка была деревянной. Он сунул её в карман, стараясь не думать, откуда она взялась.

Когда он вернулся в квартиру, запах стал сильнее. Теперь к сырости прибавился ещё один оттенок — горький, травяной, как полынь, которую долго держали в закрытом ящике.

Тетрадь лежала на столе, открытая на новой странице. Почерк был тот же, но строки шли неровно, будто писавший торопился или дрожал:

«Стяг — это якорь. Но якорь может держать не только корабль. Он может держать и шторм. Если канал открыт, он не просто тянет удачу — он впускает то, что ходит рядом. То, что ждёт, когда ты ослабеешь. И чем больше ты пытаешься закрыть канал, тем громче оно стучится».

Артём захлопнул тетрадь. Ему вдруг стало страшно не от того, что он видел, а от того, как быстро привыкал к этому страху. Как будто он становился частью его, как вторая кожа.

В дверь позвонили. Один раз, коротко, как будто проверяли, есть ли кто дома.

Артём подошёл, прижался ухом к двери. За ней было тихо, но не пустое «никто не дышит», а такое плотное молчание, когда кто-то стоит и ждёт.

— Кто там? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Тишина. Потом — тихий смех. Не злой, не радостный, а какой-то пустой, будто эхо.

И шёпот:

— Ты думал, что закрыл дверь? Канал не закрывают узлами. Его закрывают кровью.

Голос был женским, но не тем, что он слышал в кафе. Этот был старше, глубже, будто шёл не из коридора, а из стен.

Артём отшатнулся. Он хотел схватить газету, снова замотать стяг, спрятать его куда-нибудь, где нет света и воздуха. Но когда он протянул руку, стяг исчез. На его месте лежал лоскут ткани, но другой — чистый, белый, без вышивки. И на нём была капля чего-то тёмного. Крови.

Он отступил к окну, чувствуя, как пол под ногами становится мягким, будто не бетон, а что-то вязкое. Город за стеклом тоже изменился: фонари горели, но свет не рассеивался, а стекал вниз, как масло. Дома казались наклонёнными, будто собирались упасть друг на друга.

Телефон снова пискнул. Сообщение от женщины: *«Я у подъезда. Не впускай никого, кроме меня. И не трогай белую ткань. Это приглашение»*.

Артём бросился к двери, щёлкнул замком, задвинул засов. И только тогда понял, что ключ из замка исчез.

А на полу, прямо у порога, появилась тонкая линия — будто кто-то провёл по линолеуму угольком. Она шла от двери к столу, к тетради, к тому месту, где лежал стяг. И вдоль линии что-то шевелилось — не тень, а как будто воздух сгущался, становился тяжелее.

Он сел на пол, прижался спиной к стене и обхватил колени руками. Ему хотелось закричать, но крик застрял в горле, как что-то твёрдое.

И тут дверь задрожала. Не от удара, а изнутри, будто то, что было за ней, пыталось пролезть сквозь щели.

— Я здесь! — крикнула женщина с той стороны. — Держи! Не давай ему войти!

Артём потянулся к цепочке, к крючку, который почти не держал, но всё равно цеплялся за него, как за что-то настоящее.

Цепочка щёлкнула. Дверь приоткрылась на пару сантиметров, и в щель ворвался холодный воздух — не уличный, а такой, какой бывает в старых подвалах.

Женщина влетела внутрь, захлопнула дверь, накинула цепочку и прислонилась к ней, тяжело дыша.

— Ты трогал? — спросила она, глядя ему прямо в глаза. — Ты брал белую ткань?

— Нет, — выдохнул Артём. — Но она появилась. И ключ пропал.

Женщина посмотрела на пол, на линию, на лоскут. Её лицо стало серым, будто свет вытек из него.

— Это не просто канал, — сказала она тихо. — Это приглашение. Кто-то другой хочет его открыть. И он использует тебя как дверь.

Она подошла к столу, взяла тетрадь и быстро пролистала страницы.

— Здесь есть способ, — пробормотала она. — Старый. Опасный. Но если мы не сделаем это сейчас, канал откроется сам. И тогда он будет тянуть не удачу — он будет тянуть жизнь.

Она подняла глаза на Артёма.

— Ты готов заплатить ещё? Потому что в этот раз цена будет выше.

Артём сжал кулаки. Он не хотел платить. Не хотел быть дверью. Но он чувствовал, как по спине ползёт холод, как будто что-то уже тянуло из него дыхание.

— Да, — сказал он. — Что нужно?

Женщина вздохнула, будто прощалась с чем-то хорошим.

— Нужно вернуть то, что ты отдал. Не вещь. Смысл. То, ради чего ты делал этот проект. И нужно сделать это вслух. Здесь. Сейчас. Пока канал не понял, что ты снова стал целым.

Артём посмотрел на неё, потом на тетрадь, потом на белую ткань, которая лежала на столе и казалась теперь не приглашением, а ловушкой.

Он встал, подошёл к столу и положил ладонь на тетрадь.

— Два года, — начал он, и голос его дрожал, но становился твёрже. — Я делал это, потому что хотел доказать себе, что я не просто менеджер, не просто человек, который подписывает договоры. Я хотел создать что-то своё, то что останется. Даже если никто не увидит.

Слова звучали странно, будто не его, будто кто-то другой говорил их через него. Но с каждым словом воздух в комнате становился легче, а линия на полу тускнела.

— И я не брошу это, — сказал Артём громче. — Даже если никто не поверит. Даже если всё пойдёт не так.

Белая ткань на столе начала сереть, как будто выцветала. Символы на ней расплывались, превращаясь в пятна.

Женщина кивнула, будто видела то, чего не видел Артём.

— Хорошо, — сказала она. — Ты вернул часть себя. Этого хватит, чтобы закрыть дверь. Но ненадолго, канал всё ещё здесь. И тот, кто его открыл, не сдастся.

Она взяла тетрадь и сунула её в сумку.

— Нам нужно найти того, кто сделал этот стяг. Потому что пока он жив, канал будет пытаться открыться снова.

Артём посмотрел на дверь, на цепочку, на щель, через которую всё ещё тянуло холодом.

— Кто это? — спросил он.

Женщина помолчала, будто подбирая слова, которые не хотелось произносить.

— Тот, кто хотел взять чужое, — сказала она наконец. — И кто теперь не может обновиться.

Глава 5. Имя, которое нельзя произносить

Они ехали в тишине. Женщина — её звали Зинаида Павловна, но Артём думал о ней просто «она» — вела старую «Ладу» по мокрой дороге, и дворники скрипели, будто жаловались. За городом асфальт кончился, начался гравий, потом просто грязь. Фары выхватывали из темноты стволы деревьев, и Артёму казалось, что деревья наклоняются к дороге, будто хотят заглянуть в машину.

— Куда мы едем? — спросил он.

— К дому, — ответила Зинаида Павловна. — К тому, кто сделал стяг.

— Ты знаешь, кто это?

— Знаю. Знала. Давно.

Она не сказала больше ничего, и Артём не стал спрашивать. Он смотрел в окно, и ему казалось, что тени между деревьями становятся длиннее, чем должны быть. Что лес не просто стоит, а ждёт.

Потом он заметил: на обочине лежали мёртвые птицы. Много. Не разбившиеся, не раздавленные — просто лежащие на спинах с открытыми клювами, будто задохнулись. Зинаида Павловна не сбавила скорость, только перекрестилась левой рукой, не отпуская руль.

— Это началось, — сказала она вполголоса. — Когда канал открылся во второй раз, он стал тянуть не только из тебя. Он стал тянуть из всего вокруг.

Дом появился из темноты неожиданно — длинный, одноэтажный, с проваленной крышей. Окна были целы, но чёрные, будто кто-то заложил их изнутри. Забора не было — только столбы, трухлявые, наклонённые, как гнилые зубы.

Зинаида Павловна заглушила мотор. Тишина была такой плотной, что Артём услышал, как бьётся его сердце.

— Он жил здесь один, — сказала она. — Звали Фёдор Андреич. Шесть лет назад. Сделал стяг, сделал крадник, хотел забрать удачу у соседей, у семьи, у всех, у кого мог. Но не рассчитал. Стяг оказался сильнее, чем он думал. И вместо того, чтобы отдавать ему, начал тянуть из него.

— Он умер?

— Нет. Хуже.

Она открыла дверь и наступила в грязь. Артём последовал за ней. Воздух пах тлением — не резким, а тихим, как запах цветов, которые забыли выбросить.

Дверь дома была не заперта. Зинаида Павловна толкнула её, и петли взвыли, как живые. Внутри было темно, но не пусто. Артём включил фонарик и увидел.

Стены были покрыты символами. Не нарисованными — вырезанными, как будто кто-то ковырял штукатурку ногтями. Символы повторялись, и Артём узнал их — те же, что на стяге. Но здесь их были сотни, и они покрывали всё: стены, потолок, пол, даже дверные косяки.

А в углу, на полу, сидел человек. Вернее — то, что было человеком. Фёдор Андреич был жив, но его тело казалось полым: кожа обтягивала кости, глаза были открыты, но не двигались. На коленях лежал кусок ткани — такой же стяг, но меньше, как будто это был черновик того, что Артём нашёл в доме на Лесной.

— Он не двигается уже три года, — прошептала Зинаида Павловна. — Но он не мёртв. Канал держит его. Стяг не отпускает.

Артём почувствовал, как его затошнило. Не от запаха, а от понимания: это мог стать он. Если бы Зинаида Павловна не нашла его в кафе, если бы не рассказала, как закрыть узлы, он бы тоже сидел в углу, пустой, с открытыми глазами.

Потом Фёдор Андреич заговорил.

Голос шёл не изо рта — он шёл отовсюду: из стен, из пола, из воздуха. Тихий, как шорох бумаги.

— Ты пришёл с ней. Она привела тебя. Она всегда приводит.

Зинаида Павловна побледнела, но не отступила.

— Молчи, — сказала она. — Ты не должен говорить.

— Почему? — голос стал громче. — Потому что ты не хочешь, чтобы он узнал? Скажи ему. Скажи, кто научил тебя. Скажи, чьи слова ты повторяешь, как молитву.

Артём повернулся к Зинаиде Павловне.

— Что он говорит?

Она молчала. И в этом молчании было что-то хуже лжи — что-то, что она не могла сказать, потому что правда была тяжелее.

— Она научилась у Нее, — прошептал Фёдор Андреич, и Артём понял, что «Она» написано с большой буквы, хотя голос не мог писать. — У Той, что была первой. У Той, что знает, как открывать и закрывать. У Той, чьё имя нельзя произносить, потому что Она слышит.

— Не надо! — Зинаида Павловна крикнула так, что стены задрожали. — Не произноси!

Но Фёдор Андреич уже сказал.

— Лилит.

Слово прозвучало не как имя, а как треск. Будто что-то лопнуло в воздухе, и из этого треска потёк холод — не ветер, не сквозняк, а холод, который шёл изнутри, из костей, из того места, где живёт страх.

Символы на стенах начали светиться. Тускло, как угли, но свет был не тёплым, а мертвенным, синеватым, как свет перед рассветом, когда всё кажется неживым.

Артём схватил Зинаиду Павловну за руку.

— Что это? Что происходит?!

Она смотрела на стены, и по её щекам текли слёзы, но не от страха — от чего-то другого, более глубокого, как будто она давно этого ждала и боялась.

— Она слышала, — сказала Зинаида Павловна. — Теперь Она знает, что мы здесь.

Фёдор Андреич засмеялся. Смех был сухим, как шелест сухих листьев, и в нём не было радости — только усталость.

— Она всегда знала, — сказал он. — Она ждала, пока кто-то произнесёт её имя вслух. Теперь дверь открыта. Не канал — дверь. Настоящая.

Глава 6. Первая ночь

Они выбежали из дома. Артём не помнил, как — просто вдруг оказался снаружи, в грязи, в темноте, и руки дрожали так, что он не мог попасть ключом в замок. Зинаида Павловна толкнула его в машину, села за руль и рванула с места, не включая фар.

— Почему без фар?! — крикнул Артём.

— Потому что свет привлекает. Не людей. Её.

Деревья мелькали по бокам, чёрные, как столбы дыма. Дорога была грязной, машину бросало, но Зинаида Павловна не сбавляла. Артём смотрел в зеркало заднего вида и сначала ничего не видел, а потом увидел: за ними, далеко, в точке, где стоял дом Фёдора, горел огонь. Не пожар — холодное, синее свечение, как будто дом стал фонарём, но светил не наружу, а внутрь, в землю.

— Что такое Лилит? — спросил Артём. — Не из книг. Не из мифов. Что она такое — здесь, сейчас, в этом?

Зинаида Павловна молчала минуту, может, две. Потом заговорила, и голос её был ровным, как у человека, который рассказывает о том, что давно пережил, но не забылся.

— Лилит — это не богиня. Не в том смысле, в каком люди думают о богах. Она — сила. Первая, что была до правил. До добра и зла, до молитв и обрядов. Она не добрая и не злая. Она — голод. Тот, кто первым научился тянуть из другого. Стяг — это её изобретение. Не людей. Её. Люди научились у неё, как плести узлы, как направлять поток. Но забыли, что узел, который тянешь, всегда тянется в обе стороны. И если ты тянешь чужое — что-то тянется к тебе. И это что-то — Она.

Артём сглотнул. В горле было сухо.

— Ты служишь ей?

— Нет, — ответила Зинаида Павловна. — Я пыталась остановить её. Но нельзя остановить то, что было до тебя. Можно только не пускать. Для этого нужны стяги — настоящие, сделанные правильно, с узлами, которые закрывают, а не открывают. Фёдор Андреич сделал свой стяг по её правилам, не по нашим. И открыл дверь.

— А ты? — Артём повернулся к ней. — Ты тоже делала стяги?

— Да. Но не для того, чтобы тянуть. Чтобы закрывать.

— Тогда почему ты не закрыла канал у меня сразу? Почему ходила вокруг да около?

Зинаида Павловна помолчала.

— Потому что я не была уверена, что ты не такой, как Фёдор. Что ты не захочешь использовать стяг. Многие хотели. Многие думали, что смогут контролировать. Она ждёт этого. Ждёт, когда кто-то захочет власти. И тогда она приходит.

Артём посмотрел в зеркало. Синий свет исчез, но теперь в зеркале было что-то другое — не отражение. Будто за стеклом была другая комната, тёмная, и в ней кто-то стоял. Не двигался. Просто стоял и смотрел.

Он отвернулся.

Машина выехала на асфальт. Город показался впереди — тусклый, как всегда, но теперь Артём видел его иначе. Фонари горели, но между ними были тёмные провалы, и в этих провалах что-то двигалось — не люди, не тени, а что-то третье, что он не мог определить, но чувствовал.

Зинаида Павловна остановила машину у его дома.

— Не оставляй стяг один. Не развязывай узлы. И что бы ни случилось — не отвечай, если кто-то постучит в окно ночью.

— Почему в окно? — Артём живёт на третьем этаже.

— Потому что Она не ходит дверями. Она ходит через то, что ты держишь открытым. Стяг — это тоже окно. И если ты будешь держать его развязанным, Она постучит.

Артём вышел из машины. Воздух был холодным, но не от погоды — от чего-то, что висело в нём, как запах, который нельзя уловить, но который давит на виски.

Он поднялся к себе. Квартира была такой же, как он оставил: тетрадь на столе, нож, газета. Но белый лоскут ткани, который Зинаида Павловна называла «приглашением», исчез. На его месте лежал один-единственный предмет: обгоревшая спичка. Та самая, что была в краднике.

Артём взял её и тут же выронил. Пальцы обожгло — не огнём, а чем-то другим, как будто спичка была сделана не из дерева, а из чужой боли.

Он сел на пол, обхватил колени, и тут стена в коридоре начала дышать. Не метафорически — буквально. Обои вздувались и опадали, как грудная клетка, и из-под них шёл тёплый, влажный воздух, пахнувший землёй и чем-то сладким, как мёд, смешанный с кровью.

Артём закрыл глаза и стал считать. До десяти. До двадцати. До пятидесяти. На шестьдесят семь стена перестала дышать. Тишина вернулась, но она была другой — не спокойной, а выжидающей, как пауза между вдохом и словами.

Он открыл глаза. В коридоре было пусто. Но на обоях, там, где стена дышала, остался отпечаток — ладонь, длинная, с тонкими пальцами, больше человеческой. И отпечаток был не нарисованный, а выдавленный, как будто кто-то прижался к стене изнутри и держался.

Артём встал, подошёл к стене и не стал трогать. Он знал, что если прикоснётся, ладонь будет тёплой.

Телефон завибрировал. Номер Зинаиды Павловны. Он взял трубку.

— Ты дома? — её голос был сдавленным, будто она бежала.

— Да.

— Не открывай дверь. Я еду. Но я не успею раньше, чем...

Связь оборвалась. Гудки. Тишина.

Потом — стук в окно.

Тихий, ровный, как будто кто-то постукивал ногтем по стеклу. Снаружи. С третьего этажа.

Артём не повернулся. Он смотрел в стену, на отпечаток ладони, и ладонь медленно исчезала, будто впитывалась в обои, как вода в губку.

Стук повторился. Терпеливый, как будто тот, кто стучал, знал, что рано или поздно Артём повернётся.

И он повернулся.

За окном было темно. Ни фонарей, ни звёзд, ни города. Только темнота — густая, как смола, и в этой темноте, прямо за стеклом, лицо. Не человеческое, но похожее. Красивое, вытянутое, с глазами, которые были не глазами, а провалами, и из этих провалов шёл тот же синеватый свет, что и из дома Фёдора.

Лилит улыбнулась. Улыбка была нежной, и от этого — страшнее любого оскала.

— Ты открыл дверь, — сказала она. Голос был мягким, как шёлк, и Артём почувствовал, как этот голос проходит сквозь стекло, сквозь стены, прямо в грудь, и там что-то тёплое начинает таять. — Я не пришла забирать. Я пришла предложить.

Артём хотел крикнуть, но горло не слушалось. Он хотел закрыть глаза, но веки были открыты, будто кто-то держал их.

— Ты уже заплатил, — продолжала Лилит. — Ты отдал мне часть себя. Часть, которая хотела создать, быть, остаться. Я могу вернуть её. Могу дать больше. Но ты знаешь цену.

Артём знал. Он читал в тетради, он слышал от Зинаиды Павловны, он чувствовал в каждом слове Фёдора: цена — это не вещь. Это направление. Если ты берёшь у Лилит, ты становишься каналом. Не на один раз — навсегда. Ты начинаешь тянуть из других, не замечая.

Тянуть из близких, из случайных, из города, из мира. И мир вокруг тебя начинает гнить — не метафорически, а буквально: краска сходит со стен, птицы падают, люди забывают свои имена.

— Нет, — прошептал Артём.

— Ладно, — сказала Лилит, и в этом «ладно» не было ни обиды, ни угрозы. Только терпение. — Я подожду. Я умею ждать. Я ждала шесть лет, пока Фёдор произнёс моё имя. Могу подождать ещё. Но помни: канал открыт. Пока он открыт, мир рядом с тобой будет тянуть. Не я — он сам. Я не управляю каналом. Я просто стою на той стороне. И когда ты захочешь закрыть его, тебе придётся пройти через меня.

Лицо исчезло. Темнота за окном рассеялась, и Артём снова увидел город: фонари, дома, мокрый асфальт. Всё нормально. Всё как было.

Но на подоконнике, снаружи, остался отпечаток ладони — такой же, как на стене. Длинные, тонкие пальцы, вдавленные в пыль и дождевые капли. И отпечаток был тёплым.

Глава 7. Гниль

Утро началось с того, что Артём не мог открыть входную дверь. Дверь была перекошена. Дверная коробка изогнулась, будто дом осел за ночь. Артём навалился плечом, дверь поддавалась, и он вышел в подъезд.

Лампочка не горела. На стене у лифта обои висели лоскутами, будто их кто-то рвал. На полу — мокрое пятно, которое пахло землёй. Артём нажал кнопку лифта. Лифт не приехал.

Он спустился по лестнице. Ступени были мокрыми, будто по ним текла вода сверху, но потолок был сухой. На площадке между вторым и первым этажами лежала кошка. Мёртвая. Не раздавленная, не сбита — просто лежала на боку, с открытыми глазами, и тело уже начало сохнуть, как будто из него вытянули всё жидкое.

Артём вышел на улицу. Утро было серым, но не обычным серым — таким, будто кто-то выкрутил насыщенность из мира. Деревья во дворе стояли с голыми стволами, хотя ещё не было осени (сентябрь только начался), и на ветках висели не листья, а чёрные, скрученные лоскутки, как обгоревшая бумага. Асфальт был покрыт трещинами, которых вчера не было. Мелкими, как паутинка, но они расходились от его подъезда, будто что-то вышло из дома и пошло во все стороны.

Соседка с первого этажа, бабушка Нина, стояла у лавочки и смотрела на клумбу. Цветы в клумбе были мертвы — не завяли, а именно мертвы, как будто кто-то высосал из них цвет.

— Артём, — сказала она, не поворачиваясь, — ты ночью что-то делал? У меня котёл отключился. И вода в кране тёплая, не холодная, не горячая, а как из болота.

Артём не ответил. Он шёл через двор и видел: трещины в асфальте, мокрые пятна на стенах дома, брошенный велосипед с ржавыми спицами, который вчера был новеньким. Мир гнил. Не быстро, не заметно для тех, кто не знал, но Артём видел. Канал работал. Тянул. Не из него одного — из всего, что было рядом.

Телефон зазвонил. Зинаида Павловна.

— Ты как? — голос был хриплым, как будто она не спала.

— Плохо. Двор гниёт. Кошка мёртвая. Дверь перекосило.

— Я знаю. Это не остановится, пока канал не закрыт. Но закрыть его теперь — значит пройти через Нее. А для этого нужно знать, как она устроена. Не из легенд — из жизни.

— Откуда?

— Из тетради. Я не всё тебе рассказала. Там есть последние страницы — они были вырваны, но я знаю, где они. У Фёдора. В том доме. В стене, за символами.

— Ты хочешь, чтобы я вернулся туда?

— Я хочу, чтобы мы вернулись. Вместе. Потому что одна я не дойду, а ты один не справишься.

Артём посмотрел на трещины в асфальте. Они стали шире за те пять минут, что он стоял. Из одной тянуло землёй и чем-то сладким, как мёд.

— Когда? — спросил он.

— Сегодня. Сейчас. Пока мир ещё держится. Пока гниль не дошла до людей. Пока Лилит ждёт.

— А если она перестанет ждать?

Пауза. Потом Зинаида Павловна сказала то, чего Артём не хотел слышать:

— Тогда она придёт не к окну. Она войдёт через тебя. И ты не заметишь.

Глава 8. Соль

Зинаида Павловна приехала через двадцать минут. Машина была в грязи, а на капоте лежали мёртвые листья — хотя деревья у её дома были не те, что у Артёма, и листья были другие, длинные, как пальцы. Артём не стал спрашивать, откуда они.

Она вышла с сумкой, в которой звякнуло что-то тяжёлое. Не спросив, он заглянул внутрь: четыре килограммовых пачки крупной соли, нож с костяной ручкой, свечи — не церковные, а простые, восковые, короткие, как обрезки пальцев, и моток красной нити.

— Соль? — Артём поднял бровь.

— Соль — единственное, что Она не может пройти. Соль держит форму. Она — про разрушение формы. Соль мешает ей течь, тянуть, просачиваться. Но соль — это не навсегда. Это стена. Временная.

Они сели в машину. Зинаида Павловна вела, Артём держал сумку на коленях и чувствовал, как соль через упаковку тянет холод — не обычный, а тот самый, внутренний, костяной.

Город за окном гнил на глазах. Не везде — пятнами, как плесень на хлебе. Вот дом с целыми окнами, а следующий — с трещиной, которая бежит от крыши до земли. Вот автобусная остановка с целой крышей, а через дорогу — скамейка, провалившаяся в землю, будто грунт под ней стал мягким. Люди шли по улицам, но Артём заметил: некоторые останавливались посреди шага и стояли, глядя перед собой, как будто забыли, куда идут. Не все. Один на двадцать. Но если бы он смотрел вчера, таких не было бы вовсе.

— Она уже здесь, — сказала Зинаида Павловна, не отрывая взгляда от дороги. — Не в том смысле, что пришла. В том, что канал пропускает. И мир начинает ломаться там, где он тонкий.

— Как дом Фёдора.

— Как дом Фёдора. Но он — эпицентр. Там канал открыт полностью. Там стена между нами и Ей тоньше всего.

— И мы туда едем.

— И мы туда едем.

Дорога за городом стала хуже, чем вчера. Ямы были глубже, гравий превратился в грязь, а деревья по бокам были голыми — все, не некоторые. Все. Будто кто-то провёл по лесу невидимым огнём и высушил каждое дерево до корня.

Мёртвых птиц стало больше. Они лежали не только на обочине, но и на дороге, и Зинаида Павловна ехала по ним, не объезжая, потому что объехать было нельзя. Колеса хрустели, и Артём каждый раз вздрагивал, будто хрустели не кости, а что-то в нём самом.

Дом Фёдора стоял там же, но изменился. Крыша провалилась сильнее, одна стена покосилась, и из-под неё сыпалась земля, как будто дом не стоял на фундаменте, а висел над дырой. Синий свет изнутри исчез, но темнота за окнами была другой — не ночной, а густой, как будто кто-то заложил окна изнутри чёрной ватой.

Зинаида Павловна остановила машину, заглушила мотор и повернулась к Артёму.

— Правила. Слушай внимательно, потому что второго шанса не будет.

Она достала из сумки соль и начала говорить, и каждое слово падало тяжело, как камень в воду.

— Первое. Соль — круг. Не линия, не квадрат — круг. Цельный, без разрывов. Если разрыв — она пройдёт. Даже щель в волос — пройдёт.

Артём кивнул.

— Второе. Внутри круга — мы и Фёдор. Снаружи — Она. Круг держит, пока соль сухая. Если намокнет — размоется, и тогда у нас есть время, пока горят свечи. Четыре свечи, четыре

стороны. Свечи — не свет, это таймер. Пока горят, круг стоит. Погаснут — круг станет просто солью.

Она разорвала первую пачку и сыпала соль в ладонь, показывая, как — не горстью, а тонкой струйкой, будто рисовала линию.

— Третье. Не смотреть в окна. Не отвечать, если услышит голос. Не своё имя — чужое. Она назовёт чужое имя, и, если откликнешься, подумаешь «это не меня», всё равно — откликнешься. И тогда она потянет.

— Четвёртое. Самое важное.

Она взяла его за подбородок и повернула к себе. Глаза были сухими, жёсткими, как камни.

— Если я скажу тебе что-то делать — делай. Без вопросов. Без раздумий. Даже если покажется безумным. Даже если покажется, что я предаю тебя. Особенно тогда. Понял?

— Нет, — честно сказал Артём.

— Хорошо. Но запомни.

Они вышли. Воздух у дома был тяжёлым, как будто дышали через мокрую ткань. Запах тления стал гуще — не запах гнили, а что-то более тонкое, как будто само время здесь протухло.

Зинаида Павловна начала с соли. Она шла медленно, сыпала тонкой струйкой, и круг рос — большой, в три метра диаметром, охватывая входную дверь и кусок двора. Соль ложилась на грязь белой линией, и Артём заметил: там, где соль касалась земли, грязь будто отступала, сохла, темнела.

— Стой внутри, — сказала она. — Не наступай на линию. Даже близко не подходи.

Артём встал в центре. Зинаида Павловна расставила свечи — четыре, по сторонам. Подожгла каждую, и огоньки были маленькими, дрожащими, но ровными.

— Теперь внутрь. За страницами.

Дверь была открыта. Не приоткрыта — распахнута, как пасть. Темнота за ней была такой плотной, что свет от свечей не проникал туда ни на сантиметр.

Зинаида Павловна вошла первой. Артём — за ней, стараясь не дышать, потому что воздух внутри был не воздух, а что-то вязкое, как сироп.

Символы на стенах не светились. Они были чёрными, как раны, и Артёму казалось, что если прислониться, стена будет мягкой и тёплой, как кожа.

Фёдор сидел там же, в углу. Но теперь его глаза двигались. Медленно, как у человека, который просыпается после долгого сна и не понимает, где он. Рот открылся, и оттуда вырвался звук — не слово, а шорох, как будто ветер продувал пустую трубу.

— Он ещё жив, — прошептала Зинаида Павловна. — Но ненадолго. Канал высасывает его. Мы должны найти страницы до того, как он умрёт. Если умрёт — канал схлопнется, и всё, что он тянул, хлынет обратно. В нас.

Она подошла к стене и начала ковырять символы ножом. Штукатурка крошилась, но под первым слоем был второй — не штукатурка, а что-то серое, как зола, спрессованная и высохшая. И под третьим символом, который Зинаида Павловна вырезала, нашлась полость — небольшая, с кулак, а внутри — свёрток из пергаментной бумаги, пожелтевший и хрупкий.

Она развернула его. Страницы из тетради — те самые, вырванные. Почерк был другой, не тот, что в тетради. Крупнее, резче, будто писал не человек, а кто-то, кто только учился держать перо.

«Чтобы закрыть канал, нужно открыть его шире. Это парадокс, но это правда. Канал нельзя заткнуть — его можно только повернуть. Повернуть поток обратно к источнику. А источник — не дом, не стяг, не крадник. Источник — Она. Лилит. Первая. Тот, кто создал канал, создал его по её образу. Чтобы закрыть, нужно вернуть ей то, что она дала. Не дар — долг. Узлы на стяге — это её узлы. Они завязаны на её имя. Чтобы развязать, нужно назвать

её. Не произнести — назвать. Назвать — значит определить. Она не имеет формы, и поэтому она везде. Если дать ей форму, она перестанет быть везде и станет в одном месте. И тогда её можно будет запереть. Но есть цена. Тот, кто назовёт её, отдаст ей свою форму. Станет бесформенным. Станет, как Фёдор. Пустым, но живым. Это не смерть. Это хуже».

Артём дочитал и почувствовал, как пол уходит из-под ног. Не метафорически — пол действительно стал мягким, как будто доски превращались в глину.

— Нет, — сказал он. — Я не стану пустым. Не буду.

— Тогда мир сгниёт, — сказала Зинаида Павловна, и голос её был ровным, без жалости. — Не завтра. Не через год. Медленно. Но начнётся здесь, от этого дома, и пойдёт дальше. Ты уже видел — трещины, мёртвые птицы, люди, которые забывают, куда шли. Это не остановится.

И тут Фёдор заговорил. Не шёпотом — громко, хрипло, как будто последние силы в нём собрались в один звук.

— Она врёт.

Артём повернулся. Зинаида Павловна замерла.

— Она врёт, — повторил Фёдор. — Она всегда врёт. Она не хочет закрыть канал. Она хочет повернуть его. На себя. Она хочет стать каналом. Хотела с тех пор, как узнала про Лилит. Она не хранитель. Она — ученица. Моя ученица. И она привела тебя не для того, чтобы спасти. А для того, чтобы ты назвал Лилит, а она забрала форму.

Тишина. Свечи за дверью мигнули — все четыре, одновременно, как будто что-то произошло по ним ветром.

Артём медленно повернулся к Зинаиде Павловне. Она стояла неподвижно, и лицо её было таким, каким он его не видел: не испуганным, не виноватым, а голым, как будто с него содрали кожу и осталась только правда.

— Это правда? — спросил Артём.

Зинаида Павловна молчала. Потом опустила глаза.

— Частично, — сказала она. — Фёдор был моим учителем. Это правда. Я хотела повернуть канал — тоже правда. Но не на себя. Через себя. Разница — в том, кто держит. Если я встану между тобой и Лилит, я смогу провести поток через себя и закрыть его, не отдавая тебя. Но мне нужна твоя форма. Не чтобы забрать — чтобы опереться. Как костыль. Ты дашь мне свою форму на время, я проведу поток, и канал закроется. Фёдор боится, потому что думает, что я поступлю с тобой так же, как он поступил со своими соседями. Но я — не он.

— Ты врешь, — прохрипел Фёдор. — Ты врешь так же, как учил тебя я. Ты врешь красиво, и ты сама веришь в свою ложь. Но Лилит не различает ложь и правду. Она берёт форму — любую. И если ты встанешь между, она возьмёт и твою, и его.

Артём стоял между ними — между женщиной, которая, может быть, спасала его, а может, использовала, и между полым человеком, который, может быть, говорил правду, а может, говорил то, что говорила через него Лилит, потому что канал шёл через него, и кто знает, чьи слова выходили из его рта.

И в этот момент за стеной дома, снаружи, из темноты, послышался голос. Не Фёдора, не Зинаиды Павловны. Её голос.

— Вы спорите, — сказала Лилит, и голос её был мягким, как тёплый воск. — А я стою и слушаю. И мне нравится, что вы не знаете, кому верить. Потому что доверие — это форма. А форма — это то, что я хочу.

Свечи за дверью начали гаснуть. Первая — слева. Потом вторая. Огоньки дрожали, умирали, и с каждой погасшей свечой линия соли снаружи становилась тоньше — не потому, что соль размывалась, а потому что темнота просачивалась сквозь неё, как вода сквозь ткань.

Третья свеча мигнула.

— Артём, — сказала Зинаида Павловна, и голос её был уже не ровным, а отчаянным. — Дай мне руку. Сейчас. Если третья погаснет, круг падёт, и мы останемся с ней наедине.

— Ты предала меня, — сказал он.

— Нет. Я солгала — но не предала. Ложь и предательство — разные вещи.

— Для неё — нет.

Четвёртая свеча мигнула. Третья — погасла.

Темнота хлынула через дверь, как вода через прорванную плотину. Артём почувствовал, как холод проходит сквозь кожу, сквозь мышцы, доходит до костей и начинает тянуть — не боль, не страх, а пустоту, которая растёт, как трещина в стекле.

Он посмотрел на свою руку. Пальцы стали полупрозрачными — не метафорически, а буквально, как будто плоть утончалась, превращаясь в дым.

— Дай мне руку! — крикнула Зинаида Павловна.

Артём посмотрел на неё. Потом на Фёдора. Потом на дверь, где темнота стояла стеной, и в ней — лицо. Её лицо. Улыбающееся. Терпеливое.

Он протянул руку.

Не Зинаиде Павловне.

Фёдору.

Их пальцы соприкоснулись. Рука Фёдора была сухой, как пергамент, но в ней была тяжесть — тяжесть того, кто шесть лет держал канал открытым и не умер. Тяжесть формы, которая не хотела уходить.

И в тот момент, когда их руки соединились, Артём понял, что нужно делать. Не из тетради, не из слов Зинаиды Павловны — из самого себя, из того места, где жил страх, который не был пустотой.

Он сказал её имя. Не произнёс — назвал. Определил.

— Лилит. Ты — голод. Ты — то, что тянет, потому что не умеет держать. Ты — канал без формы, поток без берегов. Ты — не богиня. Ты — дыра.

И голос его не дрогнул, потому что он не лгал. Он говорил то, что знал, то, что видел, то, что чувствовал каждый день, пока канал тянул из него: голод, который не насыщается, тягу, которая не останавливается, пустоту, которая растёт.

Лилит перестала улыбаться.

Лицо в дверном проёме исказилось — не от злости, а оттого, что форма начала прилипать к ней. Синий свет в глазах стал ярче, а потом начал собираться внутрь, как будто стягивался в точку. Темнота за дверью начала сгущаться, принимать очертания — и Артём увидел: Лилит обретала форму. Не потому что хотела — потому что он её назвал, определил, дал ей границы.

И с границами пришла боль.

Лилит закричала. Звук был не голосом — он был во всём: в стенах, в полу, в воздухе, в костях. Символы на стенах начали трескаться, крошиться, и из трещин сыпалась не штукатурка — соль. Соль. Как будто дом сам защищался, как будто стены, которые Фёдор исписал её именем, теперь выплёвывали его обратно.

Линия соли снаружи вспыхнула — не огнём, а белизной, ослепительной, как снег в полдень. Четвёртая свеча загорелась сама, и огонёк был ровным, сильным, как будто кто-то подул на него с обратной стороны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.